

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

Ю.И. Дробышев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
altanus@mail.ru*

Цель исследования: работа продолжает исследования автора по отражению монгольской имперской идеологии в источниках разных стран, в той или иной степени затронутых монгольской экспансией XIII–XIV вв. Она нацелена на поиск и первичную систематизацию проявлений «мироустроительных» идей монголов в русских источниках.

Материалы исследования: основными источниками послужили старейшие русские летописи – Лаврентьевская, Новгородская Первая и Ипатьевская, с привлечением ряда других. Важные сведения были также добыты из собрания ханских ярлыков русским митрополитам, житийной литературы, религиозной публицистики. Для объяснения обнаруженных элементов монгольской идеологии привлекаются сравнительные материалы из восточных и европейских произведений. Широко используются разработки отечественных и зарубежных историков-русистов, а также монголоведов.

Результаты исследования и научная новизна: подтверждены выводы других специалистов об отсутствии интереса у русских книжников к материальной и духовной культуре монголов. Идеологические аспекты монгольской власти в русских источниках практически не звучат, но в некоторых случаях несложно реконструируются. Основы монгольского «универсализма» – понятие о Вечном Небе, обожествленный Чингиз-хан, приписываемая ему Великая Яса оставили следы в летописных свитках и других источниках. Русские источники также содержат дополнительную информацию, в которой заметна монгольская «имперскость»: система титулов Монгольской империи, взаимоотношения Улуса Джучи с Каракорумом, степные ритуалы, которые были вынуждены совершать в Орде князья. В целом, русские материалы не подкрепляют мнение о том, что монголы намеревались покорить «весь мир».

Ключевые слова: русские источники, средневековая Русь, Монгольская империя, Улус Джучи, имперская идеология, монголы, Чингиз-хан, Бату

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых русских источниках // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 532–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.532-550 EDN: HQOАAM

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-18-00166.

© Дробышев Ю.И., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

REFLECTION OF THE MONGOL IMPERIAL IDEAS IN MEDIEVAL RUSSIAN SOURCES

Yu.I. Drobyshev

*Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russian Federation
altanus@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the research:* This research builds upon the author’s previous work focused on exploring the reflection of Mongolian imperial ideology in sources from various countries that were influenced to varying degrees by the Mongolian expansion during the 13th and 14th centuries. The objective is to search for and systematically categorize the manifestations of Mongol “world-organizing” ideas within Russian sources.

Research materials: The primary sources for this study were the oldest Russian chronicles, including the Laurentian, First Novgorod, and Hypatian chronicle, along with several others. Valuable information was also extracted from collections of *yarlyqs* (edicts) from Mongol khans to Russian metropolitans, hagiographic literature, and religious records. Comparative materials from Eastern and European sources were utilized to elucidate the identified elements of Mongolian ideology. The works of both Russian and foreign historians, specializing in Russian and Mongolian history, were extensively referenced.

The results of the research and scientific novelty: This research reaffirms conclusions made by other experts regarding the limited interest among Russian scribes in the material and spiritual culture of the Mongols. Ideological aspects of Mongolian power are scarcely documented in Russian sources, although in some instances, they can be reasonably reconstructed. The foundations of Mongolian “universalism,” such as the concept of Eternal Heaven, the deification of Genghis Khan, and the Great Yasa attributed to him, have left traces in chronicles and other historical sources. Russian sources also provide supplementary information highlighting Mongolian “imperialism,” including the Mongol Empire’s system of titles, interactions between the Ulus of Jochi and Karakorum, and the steppe rituals that princes were compelled to perform within the Horde. Overall, Russian materials do not support the notion that the Mongols aimed to conquer “the whole world.”

Keywords: Russian sources, medieval Rus, Mongol Empire, Ulus of Jochi, imperial ideology, Mongols, Genghis Khan, Batu

For citation: Drobyshev Yu.I. Reflection of the Mongol imperial ideas in medieval Russian sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 532–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.532-550 (In Russian)

Financial Support: The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 21-18-00166.

Введение

Монгольские завоевания XIII в. не были вызваны стихийным порывом почувствовавших свою силу кочевников, как и сама складывавшаяся Монгольская империя не являлась аморфной политической структурой, неким паразитическим наростом на теле «цивилизованного мира». Буквально с первых лет единоличного правления Чингиз-хана (1162?–1227) монголы имели ясную систему представлений о своей особой роли на земле – сначала в границах степей, а затем и шире. Считая своего великого хана небесным избранником, они верили в то, что им выпала миссия утвердить во всем мире волю своего верховного божества – Вечного Синего Неба, и их военные кампании

вели к этой возвышенной цели. К настоящему времени историки в общих чертах изучили средневековую монгольскую идеологию, которую можно с полным правом называть имперской, или «мироустроительной». Однако во всей полноте и с максимальным приближением к реальности ее еще требуется воссоздать, а для этого необходимо использовать как можно более широкий круг источников, которые неравноценны как в сравнении между разными культурами, так и в пределах одной культуры, будучи взяты за различные отрезки времени. Таким образом, наша цель – извлечь из русских источников материалы, дающие возможность реконструировать монгольскую имперскую идеологию и тем самым дополнить русскими сведениями данные других авторов: персидских, китайских, европейских и прочих.

Различные грани русско-ордынских взаимоотношений обсуждаются в трудах целого ряда ученых: историков-русистов, специалистов по русской историографии, Золотой Орде и смежным областям знания. Их работы сформировали настолько обширную литературу, что даже простое их перечисление превысит лимиты обычной журнальной статьи. Однако до сих пор, насколько мы можем судить, специального внимания не были удостоены вопросы отражения в русских источниках идеологических аспектов монгольской власти. Они рассматриваются разными специалистами по отдельности и с разной степенью детальности, но цельная картина пока отсутствует. Сказанное не означает, что автор претендует на создание такой картины; сейчас речь может идти лишь о систематизации и предварительном анализе извлеченной из источников информации.

В целях интерпретации добытых сведений мы вынуждены прибегать преимущественно к восточным источникам. Кроме того, для максимально адекватного раскрытия реалий кочевого мира, запечатленных в русских летописях, агиографии и других произведениях, необходимо использование работ монголоведов. В силу этого обстоятельства, а также вследствие квалификации автора настоящей статьи, информация русских источников рассматривается под углом зрения номадистики. По этой же причине пришедшие на русские земли кочевники именуется здесь не монголо-татарами или татарами, а только монголами, несмотря на то, что среди них было немало карлуков, уйгуров, киданей, тангутов, китайцев и представителей других этносов. Термин «монгол» применительно к данной эпохе мы трактуем как политоним. Как правило, монгольские имена даются в написании, принятом в монголоведении, например Бату, а не Батый. В центре нашего внимания находится сравнительно короткий отрезок времени, выпавший на период существования единой Монгольской империи, но по мере необходимости затрагиваются и более поздние события. В связи с анализом сообщений русских источников о монголах мы не занимаемся реконструкцией событий, не разбираем взаимоотношения между различными политическими силами на Руси в XIII–XV вв. и т.п.

Несмотря на крайнюю несловоохотливость о монголах, из русских источников можно буквально по крупицам извлечь сведения, проливающие свет на идеологию поработителей и дополняющие информацию, которую сообщают другие произведения средневековой историографии от Японии до Исландии. Более того, русская историография чрезвычайно интересна и оригинальна в своем описании деяний монголов. Как известно, одной из особенностей русского летописания было систематическое копирование информа-

ции из уже существующих произведений, в результате чего рассказ об одном и том же событии многократно реплицировался в различных летописях с большими или меньшими подробностями или искажениями, а также проник в жития и повествовательную литературу. Среди таких сюжетов есть несколько, предоставляющих для нашего исследования ценный материал.

Великая Яса и Вечное Небо

Уже первые контакты русских с монголами в 1223 г. дают показательный материал, в котором монгольская «имперскость» звучит в полную силу, хотя время и обстоятельства ее появления в монгольской среде не до конца ясны. Перед тем, как перейти к военным действиям, монголы отправили к русским князьям послов, отговаривая их от помощи половцам – своим «конюхам». Вполне вероятно, что монголы тогда на самом деле не имели видов на русские земли и преследовали главную цель – добить или подчинить непокорных кочевников. Характерно, что послы не сделали никаких заявлений о том, что Бог дал им в руки всю землю или что они уже подчинили себе все страны. Посольство было перебито. Удивительно, но вместо готовой к бою монгольской конницы появляется второе посольство и выдвигает ультиматум: «А есте послушали Половчъ, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да всеъмь богъ» [24, с. 62]. В.Н. Рудаков расценивает ссылку на Бога как «главный аргумент» послов и пишет: «Автор повести тем самым допускает, что *татары в равной степени с русскими подотчетны Богу*» (курсив автора – Ю.Д.). Следовательно, «одним из аспектов восприятия русскими монголо-татар заключается в том, что татары не воспринимались как “безбожные”» [37, с. 33]. Д.Г. Хрусталева считает, видимо, на основе исповедания послом единобожия, что эта фраза – «речь мусульманина» [45, с. 67]¹, хотя в более ранней работе он видит в ней отсылку к «формулам Ясы» [44, с. 179]. Похоже, В.Н. Рудаков допускает, что средневековый автор рассказа сам вложил эти слова в уста монголов [37, с. 33], но, вероятнее всего, они прозвучали на самом деле, поскольку именно ими, согласно монгольской имперской дипломатической практике, должны были заканчиваться ультиматумы непокорным соседям. Растущая Монгольская империя признавала только две категории стран: «подчинившиеся» (*il irgen*) и «взбунтовавшиеся» (*bulqa irgen*). Никаких равных или союзных государств для монголов в ту эпоху не существовало. Монгольская средневековая традиция приписывает Чингиз-хану слова, имевшие ранг закона и входившие в состав Великой Ясы: «В посланиях, которые он посылал во всех направлениях, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию или насильственным угрозам, как это было принято у древних царей-тиранов, которые угрожали своим врагам размерами своей территории и величиной своего снаряжения и припасов; монголы, напротив, в качестве своего окончательного предупреждения, написали бы так: “Если вы не подчиняетесь и не сдаетесь, то что мы знаем об этом? Древний Бог, он ведает”» [49, с. 26]. Этот «древний

---

¹ В принципе, с еще большей вероятностью можно было бы приписать ее христианину, которых было немало в те годы среди самих монголов. К подобному предположению склонялся Г.В. Вернадский [4], основываясь, впрочем, на ином, и притом менее надежном материале – словах из Никоновской летописи (XVI в.), якобы произнесенных послами: «вси есмя чловѣци и вси Адамово племя» [34, с. 90].

Бог» – монгольское Вечное Небо. Для уверенных в небесной поддержке захватчиков финальные слова ультиматумов могли означать только предупреждение противникам об их неминуемом поражении в случае сопротивления.

Здесь же коснемся еще одного контекста, в котором упоминается в русских источниках Вечное Небо, являвшееся в Монгольской империи высшим источником права, – ханских ярлыков русским митрополитам. Они дошли до нас в русском переводе, и слова «Небо» там нет, но несложно догадаться, что оно скрыто, как и в случае только что рассмотренного ультиматума, за словом «Бог», причем теперь мы видим его не в конце текста, а в самом начале – там, где, согласно монгольской традиции, должна находиться апелляция к высшему божеству, обязательно предваряющая изложение сути дела. Несмотря на значительную редакторскую работу, проделанную над текстами ярлыков их русским сводчиком в конце XIV – начале XV вв., преамбула осталась на своем месте в сравнительно мало измененном виде: «Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед» [47, с. 465], «Вышняго бога силою вышня троица волею Менгутемирово слово» [47, с. 467], «Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед Бердебеково слово» [47, с. 469]. Известные из других источников, в том числе из надписей на монгольских пайцазах, эти слова звучат как «*Möngke tenggeri-yin gücün-tür*», т.е. «Силой Вечного Неба!», о чем писал в свое время еще В.В. Григорьев [12, с. 58]. Употреблять их в своих письмах и указах могли только владетельные Чингизиды. Поэтому мы не находим их, например, в ярлыках Тайдулы (?–1361) – жены хана Узбека (1312–1341/1342), сохранившихся в этом же собрании.

По-видимому, с Великой Ясой были вынуждены сталкиваться русские князья в ханской ставке, куда они приходили получать ярлыки на княжение. Среди целого ряда непонятных и с трудом приемлемых для православного сознания ритуалов, которые они были обязаны совершить, прежде чем быть допущенными к ханской особе (ниже мы к ним вернемся), фигурировало требование «поклонися отец нашихъ законуу» [30, стб. 795]. Можно понять приказ поклониться самому хану, «идолам», светилам, даже некоему кусту, но как возможно совершить поклонение закону? Единственное объяснение, которое представляется нам правдоподобным, заключается в том, что этим законом была Великая Яса, согласно указу Чингиз-хана запечатленная на каком-либо материале. Учитывая сакральное значение, которое, скорее всего, придавали монголы Ясе, как продукту законотворчества обожествленного Чингиз-хана, вполне можно думать, что князей заставляли преклонять колена перед этими свитками либо, что кажется еще более вероятным, перед их хранилищем, куда доступ имели только Чингизиды и ближайшие к ним лица.

На Ясу ссылается хан Менгу-Тимур (1266–1282) в ярлыке, выданном в 1267 г. митрополиту киевскому и всея Руси Кириллу (ок. 1243–1281) и сохранившемся в редакции XV в.: «Сию грамоту видящее и слышаще от попов и от чернцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмутъ ине по велицеи язе извиняться и умруть» [47, с. 468]. Отсюда можно полагать, что, даже если эти слова – поздняя «инородная» вставка, как утверждает А.П. Григорьев [11, с. 43], на Руси имели какое-то представление о верховном законе, по которому жили «татары». В этом же ярлыке М.Д. Приселков справедливо усмотрел еще один из «подлинных осколков» Ясы, которую он называет «книгой запретов» [28,

с. 83], где приводится ссылка на волю Чингиз-хана, гарантировавшего духовенству налоговый иммунитет в обмен на молитвы «за нас и за племя наше».

Монгольская титулатура

До захвата Константинополя крестоносцами в русской геополитической карте мира «империей» была Византия, а после наступивший «имперский вакуум» (по меткому выражению А.А. Горского) заполнили монголы. Поэтому именно по отношению к правителям-Джучидам, начиная с Бату (1209?–1255/1256), в летописях употребляется титул «царь»², ранее применявшийся к особе византийского императора, тогда как сидевшие в Каракоруме великие ханы титулуются «канами»³. Известную сложность может поначалу создать титулование «царями» таких персонажей, как Ногай (1235?–1299/1300) или Мамай (1335–1380), но это можно легко объяснить той большой ролью, которую они играли в жизни русских княжеств. Для русского книжника могло существовать и два ордынских «царя» одновременно: «И Ногуи царь оуби Тельбоугоу царя...» [31, с. 247]. Упомянутый здесь Тула-Буга был ханом Улуса Джучи в 1287–1291 гг. Специфика политической терминологии в русской литературе ордынского периода уже рассмотрена специалистами [7; 8, с. 134–149; 23, с. 30; 40, с. 12–20; 46, с. 442–456], введу чего мы не будем развивать эту тему. Отметим лишь несколько моментов, непосредственно относящихся к имперской идеологии монголов.

Титул «кан» появляется в Ипатьевском своде применительно к не названному по имени Угедю (1229–1241), в сообщении о его смерти, о которой якобы проведаль Гуюк (1246–1248) и направился в Монголию, чтобы самому стать «каном» [30, стб. 785]. Действительно, именно за Угедеем закрепился ханский титул, фактически заменивший ему имя. Точнее, Угедей принял более высокий титул «каан» («хаган»), т.е. «хан ханов», адекватный его положению во главе огромной империи. Так или иначе, русский источник, хотя и допускает хронологическую ошибку, верно передает высшее монгольское звание. О самом же Угедее, похоже, на Руси имели очень смутное представление.

Отделение Улуса Джучи от метрополии запечатлелось в изменении титулов улусных ханов. Так, Менгу-Тимур именуется «кааном правосудным» на монете, битой в Крыму [39, 284], и словно эхом этот титул отзывается на страницах Ипатьевского свода. Галицкий князь Лев Данилович (ок. 1228–ок. 1301), собираясь в 1274 г. в поход на Литву, «посла в Татары ко великому цареви Меньгоутимереви прося собѣ помочи» [30, стб. 871]. Впрочем, нельзя сказать, что тем самым была заложена основа новой традиции титулования ордынских ханов, которая была бы принята и ими самими, и их русскими

---

² На самом деле Бату не имел официального титула, формально являясь подданным каракорумских хаганов, ввиду чего представляется точным его звание «воевода Батый» в Воронцовском списке Новгородской Первой летописи [24, с. 451], хотя ниже он именуется «царем». Данный список любопытен еще и характеристикой Бату, которой тоже не откажешь в меткости: «Обычай же имѣяша кановъ» [24, с. 452].

³ В 1990-е гг. у села Красный Яр Астраханской области была обнаружена пайцза с именем Токтамыш (1380–1395), сопровождающемся эпитетом «каан». Исследователи полагают, что наделение этим титулом джучидского хана было обусловлено политической ситуацией, сложившейся после разгрома Каракорума китайскими войсками в 1388 г. и повсеместного крушения монгольской власти в Евразии [36, с. 26].

подданными. Остальные Чингизиды на страницах летописей и житий остаются по-прежнему просто «царями».

Любопытный случай представляет следующий пассаж из реконструкции М.Д. Приселковым утраченной Троицкой летописи (1408 г.). В нем рассказывается о возвращении Сарайского епископа Феогноста зимой 1279 г. из Византии, где он выполнял поручения как своего духовного владыки – митрополита Кирилла, так и Менгу-Тимура: «посыланъ митрополитомъ к патриарху и царем Менгутемеремъ къ царю греческому Палеологу» [27, с. 336–337]. Это сообщение интересно тем, что в нем сосуществуют два «царя», т.е. оно охватывает одновременно две традиции: домонгольскую, когда царями на Руси называли византийских императоров, и ордынскую, когда, как говорилось выше, этот титул перешел к джучидским ханам. Возрождение Византийской империи после 1261 г. вернуло русскому миру православного царя, но не избавило от царя монгольского.

Величание монгольского хана «царем» должно было означать его признание в качестве легитимного, т.е. поставленного Богом, монарха, отсюда и необходимость подчиняться ему. При этом подразумевалось, что каждый «царь» происходит из «царского» же рода. Для русских книжников не всегда была очевидна разница в старшинстве различных ветвей правящей династии, но им приходилось принимать законность их власти. Так продолжалось до 1480 г., до знаменитого «стояния на Угре». С целью укрепить боевой дух великого князя московского Ивана III (1462–1505), архиепископ Вассиан Рыло (?–1481) отправил ему весьма красноречивое «Послание на Угру» [17], в котором, помимо прочего, отказывал противнику князя – хану Большой Орды Ахмату (1460–1481) в какой бы то ни было легитимности: «И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьянскому царю!» [26, с. 530]. Более того, Вассиан отрицает благородное происхождение самого Бату, тем самым нанося удар по устоям монгольской имперской идеологии, обожествлявшей Чингиз-хана и его род: «Но точию нашего ради согрѣшения и неисpravления к богу, паче же отчаания, и еже не уповати на бога, попусти богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаанного Батыа, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска» [26, с. 530–532].

Пределы монгольской власти. Улус Джучи и Монгольская империя

Книжники знали, скорее всего от половцев, какие народы монголы покорили, прежде чем ступить на русскую землю: «Ясы, Обезы, Касогы и Половецъ безбожных» [29, стб. 446]. В этом списке мы видим восточных и южных соседей Руси. Лаврентьевская летопись донесла некоторые подробности о событиях 1220–1230-х гг. на восточных рубежах: прорыв монголов за Яик в 1228 г., их появление у Булгара и, наконец, гибель Булгарского государства в 1236–1237 гг. [29, стб. 453, 459, 460]. Речь отнюдь не идет о захвате всей вселенной. Однако, будучи интеллектуальными плодами этноцентричного мировоззрения, после монгольского нашествия на Русь источники иногда говорят о покорении монголами всей земли и всех народов, но подразумевают

под «всей землей» православный мир, фактически приравняемый к русской земле⁴.

Летописцы вынужденно признают правомочность претензий монгольских властей на свою землю. «Не подобает вамъ жити на земли кановъ и Батыеви, не поклонивъшеся има», – якобы заявляет Бату, вызывая к себе князей [24, с. 298; 32, стб. 319]. Показателен и ответ Михаила Черниговского (1179–1246): «тобъ, цесарю, кланяюся, понеже ти богъ поруцъль царство свѣта се-го» [24, с. 301; 43, стб. 322]. Несколько менее «глобально» выглядят владения Бату в житии Александра Невского (1221–1263): «Въста въ то время царь силенъ на вѣсточнѣи странѣ, ему же бѣ богъ покорилъ многы языки, от вѣстока и до запада; тои же царь, слышавъ такова князя александра славна и храбра, посла к нему послы и рече: княже александре, вѣси ли, яко богъ покори ми многы языки, ты ли един не хочещи покоритися силѣ моеи...» [42, с. 133]⁵. Впрочем, даже если эти слова действительно прозвучали, они могли быть элементами дипломатического ритуала: Бату хорошо понимал истинные пределы монгольского владычества, да и Александр Невский с Михаилом Черниговским могли иметь о них какое-то представление. Во всяком случае, избежавшая монгольского порабощения Европа лежала неподалеку, и князья поддерживали с ней оживленные контакты. О независимости Византии на Руси тоже хорошо знали.

Хотя не подлежит сомнению, что завоевательные кампании вплоть до конца 1250-х гг. были общим делом всех Чингизидов, неверно думать, будто все облеченные реальной властью потомки Чингиз-хана проводили на захваченных землях одинаковую имперскую политику. Бату, подобно своему отцу Джучи (1182–1227), явно не болел душой за всю империю и не очень-то желал расширять ее на запад после хотя и победоносных, но мало что реально давших столкновений с европейцами в 1241–1242 гг. Видимо, ему вполне хватало своего улуса. Даже инициативу проведения монгольских рейдов в Европу книжники приписывали киевскому тысяцкому Дмитру, пощаженному Бату ради его доблести и якобы давшему ему такой совет [30, стб. 786]. Что касается внешней политики остальных ордынских ханов, то из русских источников отнюдь не вытекает идея, будто монголы ставили себе цель покорить весь мир. Описания их походов в Литву, Польшу, Венгрию или предгорья Кавказа не производят впечатления нацеленных на захват земель или хотя бы на их подчинение по образцу русских княжеств. Это типичные грабительские набеги.

Одна из загадок ордынского периода русской истории связана с бурными событиями 1262 г., когда по городам Северо-Восточной Руси прокатилась волна восстаний против монгольской переписи, повлекшая жертвы среди «численников». Казалось бы, столь явное неповиновение должно было вызвать жестокий

⁴ Порой четко артикулируется именно Русь. Например, в Ипатьевском своде встречается определение разгрома Южной Руси как «погибели земли Русской» [30, стб. 786], а в «Поучениях» Серапиона Владимирского (?–1275) можно видеть фразы «земля наша иноплеменникомъ в достояние бысть», «в поношение быхомъ живущимъ всъкраи земля наша» [43, с. 446, 448].

⁵ Ср.: «В лѣто 6754 [1246]. Поиде грозный князь Александръ в Татары ко цесарю Батю. Тако бо рече ему цесарь: “мнѣ покорилъ богъ вси языки...”» [24, с. 303]. Интересно, что и в житии, и в летописи слова Бату звучат так, словно он не прошел по Руси огнем и мечом, а просто появился где-то на востоке, причем Александр как будто впервые слышит об этом «царе».

ответ, но его не последовало. Историки предполагают, что причиной странной мягкости хана Берке (1257–1266) был тот факт, что перепись проводили эмиссары имперского правительства, т.е. его врага Хубилая (1260–1294)⁶, оспорившего трон у своего законно избранного брата Ариг-Буги, чью сторону принял Берке. Поэтому высказывалась гипотеза, что резня случилась с молчаливого согласия или даже по неофициальному распоряжению самого джучидского хана [22, с. 83]. Данный эпизод, нашедший отражение в русской историографии, демонстрирует непростые взаимоотношения в высших эшелонах власти Монгольской империи в начальный период ее дезинтеграции и обогащает картину этого процесса важными деталями. В то же время выглядит маловероятным, чтобы на Руси тогда хорошо понимали, куда пойдут собранные деньги – в Сарай или Каракорум, или за чьи интересы – «царя» или «кана» будут проливать кровь русские рекруты. Например, разверстка монголами «числа» в 1259 г. объясняется божьим гневом за грехи, какие-либо рациональные мотивы не приводятся [24, с. 83], а аналогичное мероприятие в 1273 (1275?) г. уже четко обозначено: «Бысть число 2-е изь Орды оть царя» [31, с. 243].

С другой стороны, бывая в Каракоруме, князья и их свиты не могли не понимать, что на этот раз они имеют дело с чем-то совсем иным, нежели привычные печенег, торки или половцы. Навалившаяся на русские земли Орда, при всей своей несокрушимой мощи, была лишь частью вселенской кочевой монархии, которая подмяла под себя много известных и неизвестных русским стран. Однако никакого удивления или страха в этой связи в летописных свитках не отразилось. Считать ли это, вслед за Ч. Гальпериным, умышленным игнорированием книжниками новой политической реальности? А чем иным можно объяснить полное молчание русских источников о Монгольской империи? Может быть, краткосрочностью конструктивных связей между Сараем и Каракорумом в период имперского единства? Всего в Монголии побывало шесть князей в промежутке между 1242 и 1257 гг. [41, с. 105]. Вряд ли они не создавали, зачем их с берегов Волги отправляют в столь длительное и тяжелое путешествие, какова субординация их «царя» и общемонгольского «кана», и сколь беспредельны владения последнего. Несмотря на то, что русским князьям приходилось бывать в Каракоруме, никакой информации о нем они на Русь не принесли.

После того, как Ариг-Буга проиграл соперничество и в 1264 г. сдался Хубилаю, легитимного хагана над Джучидами больше не было. Став родоначальником правящей династии Юань в Китае, Хубилай учредил порядок пребывания наследника престола в Каракоруме, следовательно, для ханов Улуса Джучи, не признавших законность власти этой династии, отпала необходимость посылать туда русских князей⁷. Соответственно, из летописей исчезли «кан» и «кановичи».

⁶ Летописец сообщает об этом: «титям приѣхалъ отъ цесаря Татарьского именовемъ Кутлублии» [29, стб. 476]. По мнению ряда специалистов, под именем «Котлублий» скрывается хаган Хубилай, в пользу чего, возможно, говорит довольно путаное сообщение Рогожского летописца: «Въ лѣто 6767 царь Оулачѣ оумре, а Кутлубеи сѣде на царствѣ» [35, стб. 32]. Ср., однако, лингвистически обоснованные возражения П.О. Рыкина: [38, с. 486]. Обзор мнений по данной персоналии см.: [25, с. 284, 343–346].

⁷ По этой причине трудно согласиться с Г.В. Вернадским в том, что «Пока существовала Монгольская империя, великий князь московский, вассал хана Золотой Орды, был также подчинен правителю Пекина» [51, с. vi].

Итак, в отличие от некоторых других источников, созданных в разных странах в период монгольского доминирования, русские летописи довольно редко намекают на покорение монголами всего мирового пространства. По-видимому, это в какой-то мере может быть объяснено активностью связей русских князей и высшего духовенства с правителями, не зависевшими от монгольских захватчиков.

Чингиз-хан и Чингизиды в русских источниках

В свете имперской идеологии монголов нельзя пройти мимо сведений об основателе империи – Чингиз-хане. Его детское имя Тэмучжин в русских источниках не встречается вообще, а титул «Чингиз-хан», полученный им на съезде монгольской знати в 1206 г., впервые появляется в Новгородской Первой летописи в описании битвы на Калке в сильно искаженном виде. Наряду с ним упомянут и его старший сын Джучи: «Ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, бьуче до Днѣпра; а у города того оста 2 воеводѣ Цыгырканъ и Тешюканъ на Мьстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровьцьскаго: беста бо 2 князя съ Мьстиславом» [24, с. 63]. Безусловно, ни того, ни другого там не было; скорее всего, их имена звучали потому, что первый являлся главой всех завоевателей, а второй считался номинальным владельцем кипчакских степей. Однако никакого дальнейшего развития эта информация не получила, поскольку ко времени нашествия в конце 1230-х гг. обоих уже не было в живых.

Очень интересные сведения о Чингизе передает Галицко-Волынская летопись, говоря о том, что последовало за калкским побоищем: «Ожидая Богъ покаяния крестьяньскаго и обрати и воспять на землю восточную и воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны. тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьень бысть. их же прельстивше и послѣди же лъстию погоубиша. иные же страны ратми. наипаче лъстью погоубиша» [30, стб. 745]. Затем этот рассказ о гибели Чингиз-хана в тангутском государстве повторяется в ряде других летописей, но без каких-либо добавлений [2]. Источник этой уникальной для русского летописания информации пока остается неустановленным [14].

О личности самого Чингиз-хана русские источники не говорят абсолютно ничего, если не считать некие «Чигизаконова мечтанья скверная» [30, стб. 806], с которыми якобы столкнулся Даниил Романович Галицкий (1201–1264) при дворе Чингизида Куремсы (Курумиши). Соответственно, в них нельзя найти никакой информации относительно его замыслов по покорению всего мира или заветов потомкам. В результате читатели не могут даже узнать, что их поработитель Батый был внуком Чингиз-хана. К слову, имя батыева отца Джучи им тоже неизвестно. Конечно, было бы крайне рискованно утверждать, что никто на Руси не знал родословную Бату хотя бы в общих чертах, – скорее всего, это не так, и чуть ниже мы об этом поговорим, но в сохранившихся *русских* источниках она отсутствует.

Между тем, на Руси должны были знать, кто такой Чингиз-хан и какое отношение он имеет к судьбе русских земель. Русский архиепископ Петр, отвечая на вопросы собора в Лионе, продемонстрировал неплохое знание монгольских родословий: «И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него и они названы тартарами, хотя некоторые говорят, что они названы от Тарахонта. От него же произошел Чиартхан, имевший троих сыновей. Имя перворожденного – Тесиркан, второго – Чури-

кам, третьего – Бататаркан» [21, с. 151]. Имя Тартаркан, несомненно, восходит к названию легендарной реки Тартар, по которому монголы якобы стали именоваться «тартарами», и, по-видимому, должно означать Есугэя – отца Чингиз-хана. Скорее всего, сам Чингиз фигурирует в отчете Петра под именем Чиартхан, что подтверждается словами ультиматума, направленного монголами к русским, и известными из сообщения того же Петра: «Когда его спросили о вероисповедании [их], он ответил, что они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: “Бог и сын его – на небе, Чиархан – на земле”» [21, с. 152, 181].

Снова мы встречаем прозвище основателя империи в русских переводах ханских ярлыков, полученных русскими митрополитами. Так, ярлык Менгу-Тимура, выданный митрополиту Кириллу, не только ссылается на Чингиза, но и величает его «царем»: «Чингиз царь потом что будет дань или корм, ать не заммають их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и благословляють нас. Тако молвя и последний цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов» [47, с. 467]. Подобные слова есть в ярлыке хана Бердибека (1357–1359) митрополиту Алексию (ок. 1304–1378): «Ченгизь царь и последний цари наши отци наши и за тех молилися молебники и весь чин поповьскый» [47, с. 469]. Наконец, несколько отличается ярлык Мухаммада Бюлека (Тюляка) от 1379 г. митрополиту Михаилу (2-я четв. XIV в.–1379), в котором, кроме Чингиз-хана, названы поименно два ордынских хана: «Пред Чингис царь, а опосле того цари Азиз и Бердебек, и за тех молилися молебники и весь чин поповьскый» [47, с. 465].

Из других Чингизидов, владевших всей империей, собственно русские источники называют Мункэ и Гуюка, причем обоих – в эпизоде осады Киева поздней осенью 1240 г.⁸ Взятый в плен (а скорее, умышленно подосланный к защитникам города для создания паники) «татарин» Товрул назвал имена полководцев, среди которых фигурируют и будущие хаганы: «Оурдю. и Баидарь. Бирюн Кандань. Бечакъ. и Меньгоу. и Кююк иже вратися. оувъдав смерть кановоу. и бы каномъ. не от роду же его. но бѣ воевода его перьвыи» [30, стб. 785]. Совершенно ясно, что это поздняя вставка – «смерть канова» наступила год спустя описываемых событий: великий хан Угэдэй скончался 11 декабря 1241 г.⁹ И это не единственная и далеко не самая значительная странность данного текста. Гуюк действительно отбыл в Монголию зимой 1240/1241 гг. или в другое время, будучи отозван своим отцом Угедеем и, судя по сообщению «Сокровенного сказания монголов», успел получить от него жестокий выговор за ссору с Бату [15, § 275–277]. Впрочем, Джувейни утверждает, что Гуюк не застал Угедеев в живых [49, с. 239–240, 244, 248]. Хаганом он стал, но не сразу, а только в 1246 г. Главное же противоречие в том, что Гуюк принадлежал к «золотому роду» Чингиз-хана и имел законное право на власть, а здесь он показан безродным узурпатором, что опровергает слишком категоричное утверждение Ч. Гальперина «Русские всегда знали,

---

⁸ Некоторые важные подробности разбираются в работе: [19, с. 76–80].

⁹ Согласно расчетам А.В. Майорова, текст «Повести о нашествии Батыея», цитируемые фрагменты которого были включены в Ипатьевский свод и другие летописи, мог быть написан «не ранее осени 1246 г. и не позднее осени 1251 г.» [20, с. 95]. При этом перечень осаждавших Киев монгольских полководцев, возможно, записан со слов того самого тысяцкого Дмитра, который возглавлял оборону Киева и в силу своего положения должен был допрашивать Товрула [20, с. 98].

кто был и кто не был Чингисидом» [48, с. 170]. Являясь личным врагом Бату, Гуюк, несомненно, подвергся целенаправленному очернению в информационном поле Улуса Джучи, в зависимости от которого находились русские княжества.

В летописи в эпизоде осмотра передовым монгольским отрядом столицы Южной Руси допущен еще один анахронизм – Мункэ именуется Менгуканом, т.е., согласно средневековой русской номенклатуре, главой всей империи: «Меньгоуканови же. пришедшоу сглядать град Кыева» [30, стб. 782; 32, стб. 301]¹⁰. Иными словами, Мункэ уже занимает старшее положение над Бату, усилиями которого он, как хорошо известно, был возведен на всемонгольский престол только в 1251 г.

Вполне закономерно из всех имен «татар», упоминающихся в русских хрониках (Ч. Гальперин насчитал их около 200 [48, с. 168]), чаще других и с большим отрывом встречается имя покорителя Руси – Бату. Однако лишь в Галицко-Волынской летописи он показан как реальный человек, а не былинный злодей, каким он выглядит, например, в «Повести о Николе Заразском», «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Повести о убиении Батыя», или символическая фигура, почти лишенная каких-либо индивидуальных черт, как во всех остальных летописях.

Монгольские имперские ритуалы

Мотивы монгольских походов на русских в 1223 и 1237 гг. кардинально различались. В первом случае мы имеем дело с карательной акцией, скорее вынужденной, чем заранее спланированной, в ответ на открыто враждебные действия русских князей; во втором – реализацию решений курултая 1235 г. по подчинению всего мирового пространства [50]. Монгольское посольство, явившееся на Русь после покорения кочевниками Булгара, потребовало десятой доли «и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое» [24, с. 74]. По существу, это означало требование вассальной зависимости.

Внимание историков привлекло упоминание в составе этого посольства некоей «чародеицы». Резонно думать, что речь идет о шаманке. Ч. Гальперин убежден, что никакой шаманки в посольстве быть не могло, поскольку ему неизвестно, чтобы шаманами у монголов становились женщины [6, с. 44]. Это как раз и есть пример того, как недостаточное знание реалий кочевой жизни вводит исследователя в заблуждение в его попытках интерпретации средневекового текста. «Жена чародейка есть не кто иной, как шаманка», – совершенно правильно заметил еще Н.И. Веселовский [5, с. 84]. По-видимому, есть резон прислушаться к мнению Ю.В. Кривошеева, предположившего на основании аналогии с сообщением «Сокровенного сказания монголов» о вызванной духами болезни Угедея [15, § 272], что шаманка была отправлена на Русь для выяснения, какими духами населена подлежащая завоеванию земля, и в случае необходимости «расколдовать» ее [16, с. 128–132]. Как правило, шаман обслуживает интересы только своего рода, т.е. сфера его влияния весьма ограничена. Учитывая, однако, что всю Монгольскую империю исследователи расценивают как родовую собственность потомков Чингиз-хана, участие шаманки в ритуалах государственной важности не ка-

---

¹⁰ В других летописях он назван «Мгъноуканови» [31, с. 225], «Менгукак» [33, с. 144; 34, с. 115].

жется чем-то невероятным. Следовательно, здесь мы имеем дело с обрядами имперского уровня.

Ипатьевский свод и «Житие» Михаила Черниговского включают некоторые подробности обрядовой жизни Орды, представляющие немалый этнографический интерес: прохождение между огней, поклонение кусту¹¹ и пр. Скорее всего, эти древние ритуалы не имели прямого отношения к имперской культуре монголов, но на одном из них следует остановиться. Несомненно, он тоже испокон веков бытовал в степях – и не только; речь идет о совместной трапезе. Как следует из летописного сообщения, Даниил Галицкий согласился принять из монгольских рук чашу кумыса – напитка не просто очень любимого номадами вплоть до сегодняшнего дня, но и, можно сказать, культового. Кумыс принадлежит к так называемой «белой пище» (*цагаан идээ*), а белый цвет у монголов сакрален, поэтому кумыс используют в важнейших ритуалах, им кропят Вечному Небу. Принять его от хана значило продемонстрировать свою лояльность, готовность стать из потенциального врага «своим». Собственно, именно этот момент и прокомментировал Бату, говоря Даниилу: «Ты оуже наш же Тотаринь» [30, стб. 807]. В результате обе стороны достигли желаемого: Бату заставил галицкого князя выразить покорность, а тот получил ярлык. Поскольку рассмотренный эпизод имел отношение к «высокой политике», мы можем квалифицировать его как уместный материал для нашей темы.

Здесь же кратко разберем противоположные примеры. В марте 1238 г. на реке Сити монголы захватили ростовского князя Василько Константиновича (1208–1238) и принуждали его к подчинению, но Василько предпочел смерть и «ни брашна, ни пития ихъ не прия» [32, стб. 295]. Аналогично и с тем же финалом поступил в сентябре 1246 г. в ставке Бату Михаил Черниговский, следуя наставлениям своего духовного отца: «ни брашна ни пития ихъ не приими во оуста своя» [42, с. 56]. Вполне возможно, что, как и в случае с Василько, эти слова были домыслены позже, но очень велика вероятность, что оба князя на самом деле отвергли пищу и напитки врагов. Отказ от угощения должен был послужить наглядной декларацией их непокорности и нежелания встраиваться в чуждую им систему властных отношений, которые, основываясь на датировках, мы можем считать имперскими.

Закончим наш обзор проявлений монгольской «имперскости» в средневековой русской историографии тем же эпизодом, с которого он был начат: первым столкновением русских с монголами в 1223 г. После поражения русско-половецкого воинства, поддавшись на уговоры, Мстислав Киевский (ок. 1160–1223), его зять Андрей и Александр Дубровецкий сложили оружие. Монголы отнеслись к пленным князьям с уважением, как к людям благородным, казнив их без пролития крови под настилом из досок¹². С точки зрения

¹¹ Возможно, это был куст в строго ботаническом смысле слова, символически замещавший в условиях степей «мировое древо»; см.: [13, с. 94–96]. Ср., однако, мнение А.А. Горского, предположившего, что «поклонением кусту» могло обобщенно называться поклонение идолу Чингиз-хана или нескольким идолам [9, с. 141; 10, с. 36].

¹² В «Юань ши» есть сведения, что Мстислав не был умерщвлен на берегах Калки, а отправлен к Джучи в кипчакские степи и уже там принял смерть: «Взяли в плен государя их государства Мстислава (Мечжисыле). Чжэбэ приказал Хэсымайли подарить его Чжучи тайцзи. Казнили его (Мстислава)» [18, с. 35]. Подобное развитие событий представляется высоко вероятным. Ни Чжэбэ, ни Субэдэй не были Чингизидами. Несмотря на полученные от Чингиз-хана полномочия, они, видимо, сочли, что судьбу «русского государя» должна решать более высокая инстанция.

русского это позорная смерть [1, с. 23]. Но не такова была ментальность номадов. Бескровные методы казни (чаще всего, закатывание в войлок) являлись элитарными и применялись к знатым врагам и к самим Чингизидам, что давало казненным, согласно древним степным воззрениям, возможность к продолжению бытия в ином мире, поскольку духовная сила человека находится в его крови и достается победителю. Позорной же казнью, ведущей к аннигиляции этой силы и полному прекращению существования индивида в мироздании, было отсечение головы с последующим расчленением либо без оного. Такие примеры тоже можно найти как в русских, так и в восточных источниках. В нашем случае это убийство в Орде Романа Рязанского (1270 г.), исполненное максимально жестоко; близко к этому стоит казнь Михаила Черниговского и его боярина Феодора (1246 г.), и Михаила Тверского (1318 г.). Обстоятельства этих политических убийств достаточно известны, чтобы их пересказывать. Выросшие из традиционных верований кочевых народов Центральной Азии, анимистические представления обрели в Монгольской империи силу закона и использовались в судебной практике (*йаргу*) при дворах Чингизидов во всех улусах, включая и Улус Джучи.

Заключение

Анализ средневековых источников позволяет утверждать, что идеология мирового доминирования не только владела монгольской элитой, но и пронизывала все кочевое сообщество, известное на Руси под именем «татар». В русских источниках она почти не звучит, но нигде, пожалуй, нельзя найти каких-либо намеков на то, что простые монгольские воины имели какие-то собственные взгляды, отличные от взглядов своего хана. Еще И.У. Будовниц, полемизируя с Б.Д. Грековым и А.Ю. Якубовичем, заметил, что вряд ли в то время был политический смысл противопоставлять верхи «татарского» общества его низам [3, с. 338]. Углубление в этот вопрос привело нас к заключению, что и Чингизиды, и рядовые монгольские кочевники разделяли общие убеждения в своем исключительном положении среди человечества и своей особой миссии на земле.

Ни о Монгольской империи, не о ее идеологии русские источники прямо не сообщают, но демонстрируют некоторые признаки «имперскости», которые проявляла ненавистная Орда. Так, в источниках проскальзывают упоминания Чингиз-хана и великих ханов Мункэ, Гуюка и Хубилая (?); слышны отголоски Великой Ясы, отчасти видна структура верховной власти империи. Можно уверенно полагать, что на самом деле осведомленность русских людей о монголах и Монгольской империи была гораздо большей, чем можно судить по тому, что осталось запечатленным в источниках. Тотальное нежелание летописцев фиксировать эти подробности, включая политическую культуру и имперские идеи ордынцев, по-видимому, корректно объясняется «эсхатологичностью» русской средневековой литературы, в которой монголы заняли место «измаильтян»-половцев и не требовали специального описания. Несмотря на скудность сведений, русские источники обогащают наше понимание не только истории Улуса Джучи, в чем они просто незаменимы, но и идеологии монголов, хорошо заметной, прежде всего, в текстах ханских ярлыков и некоторых летописных пассажей. Каким бы своеобразием ни отличался русский взгляд на события XIII–XV вв., содержащиеся в отечественном литературном наследии материалы не противоречат, а дополняют сведения о

Монгольской империи, которые донесли до наших дней источники, созданные в инокультурной среде на бескрайнем евразийском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астайкин А.А. «Не успеха бо исполчитися противу имь...»: Русские и монголы в походе и битве на Калке (апрель-июнь 1223 г.) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 6–37.
2. Астайкин А.А., Дробышев Ю.И. Упоминания Чингисхана в русских летописях // Восток. (Oriens). 2020. № 4. С. 49–59.
3. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.
4. Вернадский Г.В. К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г. // *Seminarium Kondakovianum*. Vol. III. Прага: [Б.и.], 1927. С. 145–148.
5. Веселовский Н.И. О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. LXIV. Петроград: Сенатская типогр., 1916. С. 81–101.
6. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России / Пер. М.Е. Копыловой; под ред. Ю.В. Селзнева. Воронеж: [Б.и.], 2012. 230 с.
7. Горский А.А. О титуле «царь» в Средневековой Руси (до середины XVI в.) // *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 1996. С. 205–212.
8. Горский А.А. «Всега еси исполнена земля русская...». Личности и ментальность русского средневековья. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
9. Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // *Средневековая Русь*. Вып. 6. М.: Индрик, 2006. С. 138–154.
10. Горский А.А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // *Исторический вестник*. 2018. Т. 25. С. 30–39.
11. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 276 с.
12. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М.: Университетская типогр., 1842. 132 с.
13. Дробышев Ю.И. Монгольские ритуалы в русских летописях // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 4. С. 91–102.
14. Дробышев Ю.И. Тангутское государство в русских летописях // *Письменные памятники Востока*. 2023. Т. 20. № 1. С. 70–83.
15. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
16. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Академия иссл. культуры, 2015. 452 с.
17. Кудрявцев И.М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // *ТОДРЛ*. 1951. Т. VIII. С. 158–186.
18. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань («Юань ши») о Золотой Орде // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556*. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 30–42.
19. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica Antiqua*. 2012. № 1. С. 33–94.
20. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica Antiqua*. 2012. № 2. С. 43–113.
21. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. 268 с.
22. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2003. 178 с.

23. Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М.Н. Тихомиров; ред. и предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 561 с.
25. Порсин А. Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан: Гылым, 2020. 424 с.
26. Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М.: Худож. лит., 1982. С. 522–537.
27. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 514 с.
28. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград: Научное дело, 1916. 116 с.
29. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 379 с.
30. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 938+90 с.
31. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Петроград: Типогр. Я. Башмаков и Ко, 1915. 320 с.
32. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
33. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1856. 346 с.
34. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типогр. Мин-ва внутр. дел, 1885. 244 с.
35. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград: [Б.и.], 1922. 216 с.
36. Рева Р.Ю., Беляев В.А. Две серебряные золотоордынские пайцзы с уйгуро-монгольскими надписями // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 25–37.
37. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
38. Рыкин П.О. Титямь: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // А.Б.-60: сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2007. С. 475–492.
39. Савельев П.С. Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиридов, и другие, обращавшиеся в Золотой орде в эпоху Тохтамыша. Вып. 1. СПб.: Типогр. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1857. 394 с.
40. Селезнев Ю. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовь, 2017. 272 с.
41. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2017. 437 с.
42. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Ч. 2. Обзор редакций и тексты. М.: Общ-во истории и древностей российских, 1915. 186 с.
43. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 440–455.
44. Хрусталева Д.Г. Монгольская «дипломатия» накануне нашествия на Русь, 1223–1237 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: Фолиант, 2011. С. 174–186.
45. Хрусталева Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2017. 416 с.
46. Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 442–456.
47. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1955. С. 463–491.

48. Halperin Ch. Know Thy Enemy. Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1982. № 30. P. 161–175.

49. Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror* / Tr. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester Univ. Press, 1997. Ixvii+763 p.

50. Mirgaleev I.M. Kurultai of 1235: Question of Expansion of the Ulus of Jochi // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 3. С. 22–30.

51. Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. New Haven: Yale University Press, 1953. xi+462 p.

Сведения об авторе: Юлий Иванович Дробышев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>. E-mail: altanus@mail.ru

Поступила 3.07.2023 Принята к публикации 04.09.2023
Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Astaykin A.A. “Not Successfully gathered against them ...”: Russians and Mongols in the Campaign and the Battle of Kalka (April-June 1223). *Military Affairs of the Ulus of Jochi and its Heirs* / Ed. A.K. Kushkumbaev. Astana: Folio, 2012, pp. 6–37 (In Russian)

2. Astaykin A.A., Drobyshev Yu.I. Mentions of Genghis Khan in Rus’ chronicles. *East. (Oriens)*. 2020, no. 4, pp. 49–59 (In Russian)

3. Budovnits I.U. *Socio-Political Thought of Old Rus’ (11th–14th Centuries)*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 488 p. (In Russian)

4. Vernadsky G.V. On the Question of Religion of the Mongolian Ambassadors in 1223. *Seminarium Kondakovianum*. Vol. III. Prague, 1927, pp. 145–148. (In Russian)

5. Veselovsky N.I. On the Religion of the Tatars according to Russian Chronicles. *Journal of the Ministry of Public Education*. New series. Ch. LXIV. Petrograd: Senatskaya tipogr., 1916, pp. 81–101. (In Russian)

6. Halperin Ch. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia* / Tr. by M.E. Kopylova; ed. Yu.V. Seleznev. Voronezh, 2012. 230 p. (In Russian)

7. Gorsky A.A. On the Title “Tsar” in Medieval Russia (until the Middle of 16th Century.). *Odyssey. A Man in History*. Moscow: Nauka, 1996, pp. 205–212. (In Russian)

8. Gorsky A.A. “The Russian Land is Filled with Everything...”. *Personalities and Mentality of the Russian Middle Ages*. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul’tury, 2001. 176 p. (In Russian)

9. Gorsky A.A. The Death of Mikhail of Chernigov in the Context of First Contacts of Russian Princes with the Horde. *Medieval Rus*. Iss. 6. Moscow: Indrik, 2006, pp. 138–154. (In Russian)

10. Gorsky A.A. Establishing Relations between the Mongol Empire and Russia: The Case of Yaroslav Vsevolodich. *Historical Bulletin*. 2018. Vol. 25, pp. 30–39. (In Russian)

11. Grigoriev A.P. *Collection of Khan Yarlyks to Russian Metropolitans: Source Analysis of the Golden Horde Documents*. St. Petersburg: Tipogr. St. Petersburg Univ., 2004. 276 p. (In Russian)

12. Grigoriev V.V. On Reliability of Yarlyks Given by the Khans of the Golden Horde to Russian clergy. Moscow: Univ. tipogr., 1842. 132 p. (In Russian)

13. Drobyshev Yu.I. Mongolian Rituals in Russian Chronicles. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019. No. 4, pp. 91–102. (In Russian)

14. Drobyshev Yu.I. The Tangut State in Russian Chronicles. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2023. Vol. 20, no. 1, pp. 70–83. (In Russian)
15. Kozin C.A. Secret History. Mongolian Chronicle of 1240 г. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 619 c. (In Russian)
16. Krivosheev Yu.V. Rus' and the Mongols: A Study on the History of Northeastern Russia of the 12th–14th Centuries. St. Petersburg: Akademiya issledovaniy kul'tury, 2015. 452 p. (In Russian)
17. Kudryavtsev I.M. “The Message to Ugra” by Vassian Rylo as a Monument of publicism of 15th Century. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. 1951. Vol. VIII, pp. 158–186 (In Russian)
18. Kychanov E.I. Information from the “History of the Yuan Dynasty” (“Yuan Shi”) about the Golden Horde. Source Studies on the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). *From Kalka to Astrakhan. 1223–1556*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 30–42 (In Russian)
19. Maiorov A.V. The Story of Batu Invasion in the Hypatian Codex. Part One. *Rossica Antiqua*. 2012, no. 1, pp. 33–94. (In Russian)
20. Maiorov A.V. The Story of Batu Invasion in the Hypatian Codex. Part Two // *Rossica Antiqua*. 2012. No. 2, pp. 43–113. (In Russian)
21. Matuzova V.I. English Medieval Sources of the 9th–13th Centuries. Moscow: Nauka, 1979. 268 p. (In English and Russian)
22. Mys'kov E.P. Political History of the Golden Horde (1236–1313). Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo Univ., 2003. 178 p. (In Russian)
23. Nasonov A.N. Mongols and Rus' (History of Tatar Politics in Russia). Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. 178 p. (In Russian)
24. The Novgorod First Chronicle / Ed. M.N. Tikhomirov; ed. and preface A.N. Nasonov. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 561 p. (In Russian)
25. Porsin A. Berke. A Muslim on the Mongol Throne. Nur-Sultan: Gylym, 2020. 424 p. (In Russian)
26. The Message to Ugra by Vassian Rylo. Monuments of Literature of Old Russia. Second Half of 15th Century. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982, pp. 522–537 (In Russian).
27. Priselkov M.D. Troitsk Chronicle. Text Reconstruction. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 514 p. (In Russian)
28. Priselkov M.D. Khan's Yarlyks to Russian Metropolitans. Petrograd: Nauchnoe delo, 1916. 116 p. (In Russian)
29. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1. Laurentian Chronicle. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1927. 379 p. (In Russian)
30. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Hypatian Codex. St. Petersburg: Tipogr. M.A. Alexandrov, 1908. 938+90 p. (In Russian)
31. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 4. Part 1. Novgorod Fourth Chronicle. Iss. 1. Petrograd: Typogr. Bashmakov i Ko., 1915. 320 p. (In Russian)
32. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 6. Iss. 1. Sofia First Chronicle of Older Redaction. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 2000. 312 p. (In Russian)
33. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 7. Voskresenskaya Chronicle. St. Petersburg: Typogr. E. Pratsa, 1856. 346 p. (In Russian)
34. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 10. Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg: Typogr. Min-va mezhdunarodnyh del, 1885. 244 p. (In Russian)
35. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 15. Iss. 1. Rogozhskiy Chronicler. Petrograd, 1922. 216 p. (In Russian)
36. Reva R.Yu., Belyaev V.A. Two Silver Gilded Horde Paizas with Uighur-Mongolian Inscriptions. *Golden Horde Civilization*. 2017, no. 10, pp. 25–37 (In Russian).

37. Rudakov V.N. Mongol-Tatars through the eyes of Old Russian Scribes of the Middle of 13th–15th Centuries. Moscow: Quadriga, 2009. 248 p. (In Russian)
38. Rykin P.O. Tityam: about one Chinese Title in Medieval Russian Chronicles. *A.B.-60: Collection of Articles for the 60th Anniversary of A.K. Bayburin*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeyskoro Univ., 2007, pp. 475–492 (In Russian)
39. Saveliev P.S. Coins of Juchids, Jagataids, Djelairids, and others who were Circulating in the Golden Horde in the Tokhtamysh Era. Iss. 1. St. Petersburg: Typogr. Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennyh bumag, 1857. 394 p. (In Russian)
40. Seleznev Yu. Russian Princes at the Court of the Khans of the Golden Horde. Moscow: Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)
41. Seleznev Yu.V. Images of the Horde Yoke. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ., 2017. 437 p. (In Russian)
42. Serebryansky N.I. Lives of Old Russian Princes. Ch. 2. Moscow: Obschestvo istorii i drevnostey rossiyskih, 1915. 186 p.
43. “Words” of Serapion of Vladimir. *Monuments of Literature of Old Russia. 13th century*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981, pp. 440–455 (In Russian)
44. Khrustalev D.G. Mongol “Diplomacy” on the Eve of Invasion to Rus’, 1223–1237. *Golden Horde Civilization*. Iss. 4. Kazan: Folio, 2011, pp. 174–186 (In Russian)
45. Khrustalev D.G. Rus’ and the Mongol Invasion (20–50s of 13th Century). St. Petersburg: Evraziya, 2017. 416 p. (In Russian)
46. Chernyavskiy M. Khan or Vasilevs: One of Aspects of the Russian Medieval Political Theory. *From the History of Russian Culture*. Vol. II. Book 1. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul’tury, 2002, pp. 442–456 (In Russian)
47. Yarlyks of Tatar Khans to Moscow Metropolitans. *Monuments of Russian Law*. Iss. 3 / Ed. L.V. Cherepnin. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury, 1955, pp. 463–491 (In Russian)
48. Halperin Ch. Know Thy Enemy. Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1982, no. 30, pp. 161–175.
49. Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Tr. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester Univ. Press, 1997. lxvii+763 p.
50. Mirgaleev I.M. Kurultai of 1235: Question of Expansion of the Ulus of Jochi. *Golden Horde Review*. 2014, no. 3, pp. 22–30.
51. Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven: Yale University Press, 1953. xi+462 p.

About the author: Yuliy I. Drobyshev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Saint-Petersburg State University (7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>. E-mail: altanus@mail.ru

*Received July 3, 2023 Accepted for publication September 4, 2023
Published September 29, 2023*